

г). **Узбекский вектор центральноазиатских процессов**

Передовой «бастион» или «мягкое подбрюшье» региона. Республика Узбекистан является авторитетным участником международного на постсоветском пространстве. Однако ее роль в этом сотрудничестве не всегда оценивается однозначно. В политических и научных кругах нередко высказываются критические суждения в адрес узбекского руководства, которое периодически «замораживает» участие страны в многосторонних инициативах по линии ЕврАзЭС и ОДКБ, занимает жесткие позиции по вопросам модернизации водохозяйственного комплекса Центральной Азии, налаживания приграничного сотрудничества с Таджикистаном и Киргизией, развития интеграционных экономических проектов. Неоднозначность представлений о роли Узбекистана в системе современных международных отношений усиливается также в связи с нынешним витком американо-узбекского сближения, которое было прервано в 2005 году после событий в Андижане и закрытия американской авиабазы в Ханабаде и возобновлено в последний период в преддверии вывода американских войск из Афганистана. Другими словами, узбекский формат многовекторной внешней политики воспринимается многими как стремление добиться региональной гегемонии в ущерб интересам своих соседей, задачам укрепления коллективной безопасности перед лицом терроризма, религиозного экстремизма, сепаратизма, наркотрафика и других рисков, которым в Центральной Азии противостоит деятельность таких организаций, как ОДКБ и ШОС.

Вместе с тем, если отвлечься от рассмотрения узбекской внешней политики через призму локальных шагов, то общая стратегическая картина региональных процессов обретает более глубокий смысл. Не преуменьшая вклад других государств Центральной Азии в отражении атак международного терроризма и религиозного экстремизма с территории Афганистана, необходимо признать, что в течение последних десятилетий именно Узбекистан выступает форпостом в системе обеспечения стабильности юго-восточного периметра СНГ. Более того, блокирование возможностей распространения подрывных операций с афганского театра военных действий в северном направлении, с которым столкнулись различные силы, пытавшиеся проникнуть в Узбекистан, повышает

перспективы политических компромиссов, необходимых для предотвращения прихода исламских радикалов к власти в Кабуле.

Роль Узбекистана как передового бастиона на границе между зоной стабильности, пусть не абсолютной, но все же предсказуемой, и «кризисной воронкой» мирового развития, которой пока остается Афганистан, предполагает два возможных варианта развития ситуации.

Один из них заключается, вероятно, в максимизации сотрудничества со странами СНГ, особенно с Россией, чей вклад в оборону и экономическую жизнь Узбекистана остается существенным условием успешной консолидации узбекской государственности. Однако, учитывая сложное переплетение формальных и неформальных моментов, характерных для политической организации узбекского общества, этот путь чреват рисками, сползанием к практике лавирования между различными иностранными «спонсорами» конкурирующих группировок в среде столичных и провинциальных элит.

Второй сценарий предполагает, что при взаимодействии со структурами пространства СНГ узбекская сторона будет проводить курс на все более активное участие в процессах международного партнерства к югу от ее границ. Помимо конструктивного опыта, уже накопленного, например, на узбекско-индийском и узбекско-пакистанском направлениях, значительные потенциальные возможности существуют также для расширения узбекско-афганского сотрудничества. Положительное значение инициативного характера узбекской внешней политики на южном направлении будет тем более ощутимым, чем более последовательно будет проводиться линия на превращение Узбекистана в площадку для многостороннего диалога по проблемам продвижения афганского урегулирования.

Думается, что в среднесрочной перспективе именно второй сценарий в большей степени отвечает потребностям современной мировой политики и национальным узбекским интересам. Он позволит укрепить единство правящих кругов Узбекистана, нацелив их внимание на долгосрочные проблемы нового внешнеполитического курса. Одновременно он объективно будет стимулировать большую гибкость узбекского руководства в решении тактических вопросов взаимодействия с другими центральноазиатскими странами.

Скептики могут возразить, что большие региональные горизонты таят риск и большого регионального эгоизма со стороны крупнейшего по демографическому и военному потенциалу государства Центральной Азии. Но хотя вероятность такого разворота событий нельзя полностью исключить, скорее всего он не получит развития в силу особенностей социальных структур узбекского общества и стремления его лидеров избежать состояния осажденной крепости.

Базовые ориентиры узбекской политики. На современном этапе в Узбекистане продолжают развиваться процессы национальной консолидации, начавшиеся еще в советский период. На уровне внутренней политики этот феномен выражается в жесткой централизации государственной власти, а на доктринальном – выдвинутой И. Каримовым идее общественного согласия и сплочения вокруг ценностей светского государства. Тем не менее, массовая социальная база узбекского режима остается фрагментарной, а неформальной основой политической системы страны выступают региональные кланы. Крупнейшими из них являются ташкентский, ферганский, самаркандский, сурхандарьинский и хорезмский. Первые три играют наиболее важную роль во властной иерархии Узбекистана. В настоящее время власть сосредоточена в руках самаркандского и ташкентского кланов, определенную поддержку которым оказывает ферганский клан. Президент И. Каримов считается представителем самаркандского клана. При этом для укрепления своей власти он в 1993–1995 годах нанес несколько чувствительных ударов по ферганскому и ташкентскому кланам. С тех пор ни один региональный узбекский клан не решается открыто оспаривать лидирующие позиции самаркандской группировки.

В то же время в республике складывается новый тип элитных союзов, которые формируются не по территориальному признаку, а на основе участия в том или ином бизнесе – хлопковом, автостроительном, нефтегазовом, золотодобывающем и т.п. Однако отмечаемые наблюдателями процессы реформирования узбекской элиты и появление ряда групп, связанных лично с президентом И. Каримовым, не привели пока к расколу старой клановой системы. Стирание клановых границ в Узбекистане является не только длительным процессом, но и дополнительно тормозится в условиях централизованного регулирования

экономики связями легального и «теневого» бизнеса, сохраняющего в своем большинстве приверженность старым разделительным линиям. Поэтому, несмотря на статус «надэлитного» лидера (балансира), И. Каримову, в отличие от казахстанского президента Н. Назарбаева, не удалось создать в среде правящих кругов страны заметной социальной альтернативы традиционным клановым структурам, что отражается на карьере его старшей дочери Гульнары Каримовой. Другими словами, нынешний президент Узбекистана и его ближайшее окружение лишены возможности прямого назначения преемника и могут только частично влиять на его выбор. Одновременно в условиях, когда активной политической роли лишены представители ферганской элиты, региона, где проживает примерно половина узбекского населения, варианты «прямого назначения», т.е. попытки жесткой консервации статус-кво в системе власти, станут опасным вызовом продолжению национальной консолидации страны.

Таким образом, персональные и политические тренды развития Узбекистана в ближайшее время будут определяться, главным образом, на основе соотношения политических сил традиционных клановых группировок и в значительно меньшей степени влиянием корпоративных альянсов новой узбекской элиты, к которой периодически стремится апеллировать И. Каримов.

Кадры и кланы в системе узбекской государственности. При всех атрибутах авторитарного управления, постсоветский режим в Узбекистане является не столько «производным» от личных прерогатив И. Каримова, сколько результатом «кланового двоевластия», сложившегося на основе взаимодействия ташкентской и самаркандской группировок узбекской элиты. Отражением их консенсуса явились действия силовых структур страны по подавлению как светской, так и религиозной оппозиций, которые были вытеснены за рамки легального политического процесса или поставлены под жесткий контроль. Характерно, что основная часть «черновой работы» на этом направлении была выполнена силами МВД, традиционно возглавляемого представителем «самаркандцев» и долгое время лично «опекавшегося» И. Каримовым, а стратегические решения в сфере обеспечения безопасности разрабатывались в рамках СНБ, часть руководства которого связана с ташкентской номенклатурой.

Достигнутая в результате совместных усилий МВД и СНБ политическая стабильность в Узбекистане обладает достаточным запасом прочности. В пределах среднесрочной перспективы ключевые фигуры оппозиции лишены связей со своими потенциальными сторонниками как на периферии, так и в столице страны. Поэтому любые протестные выступления, гипотетически возможные в ближайшие два-четыре года, могут носить лишь локальный характер и, следовательно, не будут угрожать режиму. Подобная внесистемная угроза может стать реальной только в случае обострения противоречий внутри бинарного ядра современной узбекской государственности.

Существенное обострение политической конкуренции ташкентского и самаркандского кланов в ближайшее время маловероятно. Однако после андижанских событий соотношение сил между ними неуклонно меняется в пользу представителей столичной группировки. Потенциал расширения влияния «самаркандцев» в основных властных структурах Узбекистана был близок к исчерпанию уже к 2002 году, а после 2005 года он начинает постепенно сокращаться. Симптоматично, что бизнес, принадлежащий в настоящее время семье узбекского президента, прежде всего его дочери Гульнаре Каримовой, во многом сформировался путем перераспределения собственности ташкентских предпринимателей, происходившего с применением административного ресурса. Кроме того, потенциальными, хотя и неоднозначными по своему характеру, союзниками ташкентской части узбекской элиты являются важные фигуры ферганского клана, что объективно расширяет возможности политического маневрирования «ташкентцев» в коридорах центральной власти.

Таким образом, будущий лидер Узбекистана, скорее всего, определится не как фигура, отражающая нынешние лидирующие позиции «самаркандского клана», от которого постепенно дистанцировался сам И. Каримов, а преимущественно как выразитель интересов ташкентской группировки узбекской элиты.

Вызовы персонального лидерства в среде узбекского руководства. Ведущую роль ташкентской группировки в определении кандидатуры преемника И. Каримова не следует упрощенно трактовать как процесс одностороннего решения. Вместе с тем, необходимо учитывать, что с уходом И. Каримова «самаркандский клан» утратит многие из своих

нынешних позиций, что, уже сейчас осознают и его члены. Хотя ташкентские партнеры команды И. Каримова будут еще в течение нескольких лет нуждаться в поддержке «самаркандцев», особенно со стороны их бизнес-элиты, но одновременно они начнут инициировать «кадровые рокировки» в пользу других сегментов региональной элиты. Попытки таких шагов уже предпринимались, в частности Р. Иноятовым на уровне руководства СНБ, но блокировались нынешним узбекским президентом. В этой связи выработка консенсуса в отношении кандидатуры будущего узбекского лидера зависит от перспектив стабильности Узбекистана на основе той или иной схемы раздела власти между ташкентской и самаркандской группировками.

Так, при «наследовании» руководящего статуса представителями ближайшего личного окружения президента И. Каримова (например, его дочерью Гульнарой), в силу объективных причин произойдет имитация «двоевластия», которая будет сопровождаться расшатыванием централизованной модели государственного управления и эрозией лояльности режиму в периферийных регионах. Второй гипотетический сценарий, основанный на выдвижении в качестве узбекского лидера представителя ташкентской группировки и сохранении существенных властных полномочий в руках «самаркандцев», будет менее болезненным для страны, но рискованным с точки зрения поддержания статусных гарантий «президентской семьи». И, наконец, в случае, если «ташкентский клан» сможет обеспечить не только выдвижение своего представителя в качестве общенационального лидера, но и добиться разделения компетенций между ферганской и самаркандской группировками, консолидация постсоветской государственности Узбекистана будет, хотя и с пробуксовками, но все же развиваться.

Сохраняющаяся интрига в отношении персональной фигуры преемника президента И. Каримова не позволяет формулировать детальных прогнозов относительно изменений политики Узбекистана в среднесрочной перспективе. Но в краткосрочной перспективе, очевидно, будут продолжаться попытки улучшить имидж страны на международной арене и восстановить привлекательность ее экономики для западных инвестиций. Однако потребность в западных инвестициях не является критически важной для узбекского режима. Поэтому объявленная в 2008 году реформа

судебной системы, а в дальнейшем и другие акции, заставившие экспертов предположить «начало перестройки», являются, скорее, лишь подготовительным этапом к стратегической перегруппировке узбекской элиты, попытками наведения порядка в тех областях государственного управления, которые аккумулируют основное недовольство как населения, так и зарубежных партнеров. В переводе на язык узбекских реалий эти тенденции укрепляют позиции ташкентской группировки.

В контексте эволюционного развития внутривнутриполитической обстановки в Узбекистане внешнеполитическая сфера будет представлять собой более динамичную картину. В течение ближайших лет, вероятно, не только продолжение «размораживания» отношений с Западом, но и выдвижение крупных инициатив, ориентированных на соседние страны центральноазиатского региона, а также и Афганистан.